

УДК 943.085.2

Артамошин С.В., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ЭРНСТ ЮНГЕР ВО ФРАНЦУЗСКОМ ИНОСТРАННОМ ЛЕГИОНЕ.

Статья посвящена изучению жизни видного деятеля консервативной революции в годы Веймарской республики Эрнста Юнгера. Рассматривается проблема его службы во французском Иностранном легионе в 1913 г. Данный аспект представляет собой осмысление духовного кризиса вильгельмовской молодежи накануне Первой мировой войны и ее стремления выйти из рамок кайзеровской морали посредством бегства в Иностраннный легион. Подчеркиваются точки пересечения биографии Э. Юнгера с его размышлениями об участии в Иностранном легионе. В статье анализируются идейные позиции немецкого консервативного мыслителя Э. Юнгера.

Ключевые слова: Веймарская республика, консервативная революция, Э. Юнгер, французский Иностраннный легион.

DOI: 10.22281/2413-9912-2020-04-02-16-21

Творчество и жизненный путь немецкого мыслителя и писателя Эрнста Юнгера, которому в этом году исполняется 125 лет со дня рождения, был разнообразным и трудным. Его называли сейсмографом XX века, и он отражал в своем творчестве проблемы века и в своей деятельности основные события столетия. В данной статье мы рассмотрим его службу во французском Иностранном легионе в 1913 г.

15 октября 1913 г. Э. Юнгер приехал в Ганновер к бабушке, прогулявшись по знакомым с детства улицам, посетив зоопарк. Спустя две недели он сбежал «во французский Иностраннный легион, на что использовал полученные от отца деньги» [7, 89-90]. Спустя двадцать три года он вспомнил свою алжирскую одиссею, написав роман «Африканские игры», в котором поведал о своем опыте службы, пусть и кратковременной, во французском Иностранном легионе. Конечно, «<Африканские игры> были романтически поэтизированным и мифологически основанным рассказом о побеге в Африку» [6, 58]. Эта книга является наиболее полным свидетельством Э. Юнгера о своем африканском опыте, написанной с дистанции двух десятилетий, в 1936 г., когда он также находился пред чертой, жизненным Рубиконом, переступив которую нужно было найти опору для того, чтобы жить. И возвращение к детству, первому решительному поступку, который никто не ожидал от него и который был поступком, проявлением его индивидуальности и личной свободы. Конечно, назвать эту книгу автобиографической можно с обязательной оговоркой о том, что Э. Юнгер никогда не писал

воспоминаний, но воспоминания, его жизненный опыт, его приключения, его боль присутствуют в его книгах, они скрыты под одеждами персонажей, они прослеживаются в череде описываемых событий. Как отмечал Х. Кизель об «Африканских играх», «они отражали не только сознание восемнадцатилетнего искателя приключений, но в большей мере, тридцатипятилетнего автора, который может видеть отчетливее, чем восемнадцатилетний и оценивающий собственно критически и трезво» [6, 58].

В конце октября 1913 г. Э. Юнгер, не сказав ничего родителям, принял решение сбежать из школы и отправиться во Францию, чтобы завербоваться во французский Иностраннный легион, о котором он читал в школе, как месте героических подвигов и авантурных приключений. Наверное, самое притягательное в Легионе было то, что он располагался в Африке, стране таинственной первозданности. Иностраннный легион, образованный в 1830 г. Луи Филиппом, к началу XX в. представлял собой воинское подразделение, в котором мужчины, каждый по своим причинам, могли начать новую жизнь под новым именем и никто никогда не поинтересуется, кто он есть. В Германии начала XX в. популяризация деятельности Иностранного легиона и героизация его подвигов была поставлена на хорошее основание. В период с 1909 по 1914 гг. в Германской империи было опубликовано свыше 70 книг, посвященных Иностранному легиону, направленных на привлечение новых легионеров. В рамках франко-германских отношений начала XX в. привлечение в Легион немецких рекрутов

служило и к подрыву годного к воинской службе мужского населения. Обеспокоенность действиями Легиона привела к образованию в Баварии, в г. Мюнхен в январе 1913 г. «Немецкого союза защиты против Иностранного легиона». После принятия в июне 1913 г. закона, параграф 28 которого, запрещал немцам служить в Иностранном легионе. Немецкие легионеры могли быть подвергнуты аресту на срок до 6 месяцев[7, 91].

Основание для побега в Легион был внутренний конфликт между ожидаемым миром и реальностью, который он испытывал в школьные годы. Таким образом, неудовлетворенность жизнью, нежелание делать вынужденный выбор подтолкнули его к уходу от выбора, к бегству. «Так, утратив ощущение родины, мы ищем дальних приключений по всему миру», - писал Э. Юнгер в романе «На мраморных утесах»[2, 163], подчеркивая качество авантюрного сердца, стремящегося к открытию нового. Стремление Э. Юнгера записаться в Иностранный легион представляло собой юношескую форму не только преодоления буржуазности, но и поиска собственного пути. Конечно, несмотря на всю рискованность, он был наивным, не понимающим насколько серьезным могут стать последствия подобных действий. Свой побег в Африку он вспоминал с улыбкой. Он записал в «Рискующем сердце»: «Я люблю вспоминать время перед войной, когда я в один прекрасный день забросил мои учебники за ближайшую стену, чтобы отправиться в Африку. Тридцатилетний не может осудить дерзость шестнадцатилетнего, который пренебрег деятельностью двух дюжин учителей и ни с того ни с сего предписал себе более суровую школу. Теперь его, скорее, восхищает инстинктивный протест против механического времени, и он вспоминает одинокий пакт, который скрепил бутылкой бургундского, опустошив ее и разбив о скалу марсельской гавани»[3, 118].

Собрав вещи, Э. Юнгер покинул школу, взяв с собой деньги, которые выдал ему отец на оплату обучения, купив в лавке поддержанный револьвер. Его идея состояла в том, чтобы пересечь границу и отправиться в Верден с надеждой найти там вербовочный пункт. Он отметил на карте маршрут и отправился пешком в сторону границы, тем самым совершая «первый шаг из сферы порядка в сферу

неупорядоченного»[1, 4]. Тем самым был сделан первый шаг в сторону обещающего быть интересным приключению, «ведь человек, пускающийся в авантюру, должен заключать в себе нечто не менее весомое, чем тот мир, который он хочет завоевать»[1, 16]. Желая испытать чувство риска, Э. Юнгер провел опасный эксперимент с приобретенным револьвером. Взведя курок, он поставил его дуло к груди и медленно стал нажимать на спусковой крючок, остановив себя в последний момент. В этом эпизод он передал стремление молодого человека подойти к рискованной линии, отделяющей жизнь и смерть. Уже в Марселе пришло осознание того, что этот мальчишеский поступок мог поставить точку еще в начале путешествия, так как оружие было в неисправном состоянии и имело слабый спуск, способный привести к неожиданному выстрелу.

Отправившись пешком в сторону французской границы, Э. Юнгер вовремя понял, что, ошибся с прокладыванием маршрута и идет вовсе не во Францию, а в Люксембург, название которого он не прочитал на карте. Осознав свою ошибку, он решил завершить романтическое путешествие пешком и использовать плоды цивилизации: добраться до Меца, а оттуда купить билет до Вердена. Авантюра такого путешествия состояла в том, что у него не было заграничного паспорта для пересечения границы. Купив билет второго класса, Э. Юнгер решил выдать себя за юношу, который едет в Верден для изучения французского языка в семье знакомых. Благодаря благодушия жандармов ему удалось без осложнений пройти пограничный контроль и, прибыв на поезде в Верден, он по надписи на памятнике понял, что достиг конечного пункта своего путешествия. Перед ним открывалась дверь в новый мир, правда он не знал, где она находится в Вердене.

Планируя свое путешествие в Африку, Э. Юнгер рассматривал вербовку в Иностранный легион как трамплин, который перебросит его на африканский континент. «Но в конце концов я решил завербоваться в Иностранный легион, чтобы таким образом хотя бы добраться до границы *земли обетованной*, а уж потом, на собственный страх и риск, продвигаться в ее внутренние районы. <...> Итак, я готов был присягнуть любой телячьей шкуре на свете (т.е. стать наемником – С.А.), только бы эта шкура,

словно волшебный плащ Фауста, доставила меня к экватору. Но Иностраннный легион не относится к тем темным силам, которые, коли надумал заключить с ними договор, можно вызвать заклинанием хоть на ближайшем перекрестке»[1, 3]. Походив по городу и не найдя нигде вывески вербовочного пункта, Э. Юнгер решил подойти к полицейскому и спросить у него, где находится кантора Иностранного легиона. Удивленный полицейский, после нескольких вопросов, согласился проводить его к рекрутской конторе. Офицер посмотрел на юношу, и уточнив, что он хорошо все обдумал и понимает суть своего желания, дал ему бланк заявления о поступлении в Легион, который тот заполнил под собственным именем, прибавив к своему возрасту два года. «Офицер равнодушно взял лист с только что подписанным мною обязательством на пятилетний срок службы и положил его на другую стопку. Сообщив мне, что до отправки на *землю обетованную* нужно еще пройти медицинское освидетельствование, он вызвал к себе одного из солдат и поручил ему заняться мною»[1, 19]. Пройдя медкомиссию, признавшую его годным к воинской службе, получив на руки билет и серебряную монету на дорогу, он с группой таких же как он рекрутов, отправился поездом в Марсель.

Марсель был перевалочным пунктом перед отправкой в Африку. Герой романа Бергер познакомился там с врачом Гупилем, который проводил медицинское освидетельствование. В этой встрече, которая была вполне возможно реальной, Э. Юнгер изображает переходное состояние, черту, которую герой собирается переступить, и что должно круто изменить его жизнь. Доктор Гупиль является последним предупреждением для человека, который слишком увлечен книгами, а не реальностью. Его слова Бергеру являются разъяснением и предостережением. «Дорогой господин Бергер, вы сейчас в том возрасте, когда переоценивают реальность того, о чем говорится в книгах. География чудесна, но поверьте мне: прогулки такого рода удобней всего предпринимать, уютно устроившись на диване и покуривая турецкую сигарету. Вы ожидаете удивительных приключений? Причастности к волшебству, к изобилию экзотической природы? Так вот, там, на юге, вы ничего этого не найдете. <...> Вы еще слишком молоды, чтобы

понять: вы оказались в мире, сбежать из которого невозможно. Вы надеетесь открыть в нем для себя необыкновенные вещи, но не найдете ничего, кроме убийственной тоски. Сегодня в мире нет ничего, кроме эксплуатации, а для человека, который обладает особыми наклонностями, придуманы еще и особые формы эксплуатации. Эксплуатация – вот подлинная форма, великая тема нашего столетия, а тот, кто еще имеет другие идеи, становится ее жертвой легче, чем все прочие. Колонии – это тоже Европа, маленькие европейские провинции, где сделки совершаются чуть более открыто, с меньшими околичностями. И вам, дорогой Бергер, не удастся проломить стену, о которую уже разбился Рембо. Поэтому возвращайтесь к своим книгам и сделайте это поскорее, прямо завтра! <...> Пожалуйста, помните: вы сейчас в опасном положении, и я понимаю это лучше, чем вы сами. Я смотрю на вас как на человека, который вот-вот исчезнет в темных воротах; я окликаю вас, пока не поздно»[1, 33].

В Марселе Бергер встретил два типа легионеров: Леонгарда и Бенуа. Леонгард попал в Легион в силу опрощенного поступка, совершенного им, и испытывавшего страх от ощущений близости смерти. Бенуа представлял собой тип искателя приключений, обладающего внутренним здоровьем, «сила которого проявляться только в несчастье, только в момент, когда все летит под откос. Собственно, эта тема, которая всегда меня волновала, - как жить, опираясь на собственную силу, выбирая непроторенные дороги»[1, 47]. Переправляясь морем в Африку, Э. Юнгер сравнивал жизнь с кораблем: «Нужно жить, как корабль: иметь на борту все, что нужно, и всегда находится в боевой готовности»[1, 35]. Бергер надеялся, только ступив на африканский берег, сбежать из Легиона и отправиться путешествовать. Это было авантюрное восприятие мира и в Африке Бергер-Юнгер столкнулся с реальностью. «Я был склонен рассматривать жизнь вообще и каждое из ее обстоятельств как путешествие, которое можно прервать в любой точке, где захочешь. Я не видел причин, чтобы оставаться там, где тебя что-то угнетает или вызывает ощущение неудовлетворенности, - ведь мир столь велик и разнообразен... Но я не знал, что этот простой принцип так трудно осуществить. Тут вмешиваются факторы, о которых не

прочитаешь в книгах: страх, усталость... или твое сердце, в самый неподходящий момент начинающее колотиться в груди»[1, 49].

Э. Юнгер прибыл в Сиди-Белл-Аббес недалеко от Орана. Вспоминая 1913 г., он позднее записал: «Тогда я был легионером в форте Сен-Трез близ Орана»[5, 266]. Время, проведенное Э. Юнгером в форте, было кратким. Оказавшись в 26 учебной роте, он провел там несколько недель. Следует отметить, что А.В. Михайловский в комментариях к дневникам Э. Юнгера неточен во времени нахождения его в рядах Легиона, считая, что он провел в нем полгода[4, 38]. Сам Э. Юнгер в «Африканских играх» отмечает, что «если память не изменяет мне, я пробыл в Бель-Аббесе ровно три недели. В первую я скучал, вторую провел очень приятно, а третью просидел за дверью, запертой на замок и засов»[1, 57]. Это совпадает с хронологией событий, ведь 3 ноября он завербовался в Легион, совершив поездку Верден-Марсель-Оран, занявшую где-то 10 дней, и уже в середине декабря уволенный из Легиона и отправленный домой, где он оказался на Рождество. Таким образом, африканская одиссея Э. Юнгера занимала не более 2 месяцев.

Герой романа Бергер, проведя три недели в учебной роте, попытался выполнить свою мечту и бежать. Однако этот побег, совершенный совместно с Бенуа, закончился очень быстро, так как, попавшись патрулю, они были доставлены в лагерь. Их побег сочли самоволкой и посадили под арест. Романтические иллюзии о приключениях в Африке не выдержали испытания суровой реальностью, подтвердив слова врача Гупиля, сказанные Бергеру в Марселе. Биограф Э. Юнгера Х. Кизель так определил тип французского легионера, оказавшегося в Сиди-Белл-Аббесе: «Там оказались легионеры, избравшие профессию солдата и исполнявшие ее с серьезностью и пылом, но были, конечно, такие, кто отправился в Иностраннный легион вследствие затруднительного положения или отчаяния и теперь должен был выслуживать свое время: одни уединенные и скупые в надежде, отложить пару грошей на последующую жизнь, другие кампанейские и сохранявшие еще авантюризм. В итоге все оказались в Легионе как собрании всех различных характеров и темпераментов из всех возможных слоев

общества. Что их объединяло, так это опыт разрыва, побудивший их к побегу, а также испытанное в различной интенсивности стремление к авантюрной жизни»[6, 60]. Однако именно в Иностранном легионе Э. Юнгер оказался в среде, в которой не следовало ничего доказывать и поддерживать определенный общественный статус. Конечно, набор приключенческих авантур существенно сократился.

Выпущенный из-под ареста Бергер был вызван в штаб к полковнику, который раздраженным тоном сообщил ему о том, что поступило распоряжение об его увольнении, и на следующий день он должен был покинуть Сиди-Белл-Аббес, гарнизонный город, центр, или как говорят легионеры «мать» Иностранного легиона и отправиться в Оран под сопровождением. Переданное ему письмо от отца прояснило всю ситуацию, которая происходила вокруг него, в тот момент, когда он был в Африке.

Э. Юнгер описывает в романе состояние, которое он испытал сам, и которое его герой Бергер чувствовал, держа в руках письмо отца. «Капрал Давид вручил мне пришедшее на мое имя срочное письмо: там отец подробно сообщал, как ему, не без больших хлопот и денежных затрат, удалось благополучно завершить мое щекотливое дело. Письмо было выдержано в доброжелательном тоне, не принуждало меня испытывать острое чувство стыда. Но я и так уже отчасти утратил былую самоуверенность, чему немало способствовали десять дней, проведенные в камере. Старик писал, что после побега из гимназии, этого удивительного доказательства моей самостоятельности, я, как он считает, должен сам определить, где и чему учиться дальше; он лишь настоятельно просит, чтобы я отправился в Нанси и там на почте получил переведенную на мое имя сумму, которой хватит на приобретение новой одежды. Такая мера показывала, что отец хотел бы как модно скорее вновь увидеть меня в северных краях. <...> Старика, похоже, волновало не столько авантюрный, сколько юридический аспект происшедшего: поскольку он сразу, как только получил письмо Гупиля, пустился в дорогу и подал жалобу в отдел министерства иностранных дел, занимающийся такими делами. Отца, похоже, не очень волновало, что я тем времен могу набить себе шишек, ибо он руководствовался принципом:

если молодой человек вообще чего-то хочет, это уже хорошо. <...> Отец выражал надежду, что сразу после рождественских каникул я вернусь за школьную скамью. А чтобы я не терял время попусту, он набросал небольшой план, состоящий в том, что здесь я должен говорить только по-французски, должен учиться стрелять и маршировать и, наконец, в любом случае должен добиться, чтобы мое имя внесли в список претендентов на капральское звание»[1, 70,60].

Изложенная в роман история вызволения отцом Бергера из Иностранного легиона совпадает с данными об усилия Эрнста Георга Юнгера в отношении Эрнста, что лишней раз демонстрирует автобиографичность книги «Африканские игры», где факты, реальные переживания Э. Юнгера вписаны в ткань художественного произведения. Когда Эрнст Юнгер сбежал в Иностранный легион, 16 ноября 1913 г. в местной газете было опубликовано маленькое сообщение: «Старшеклассник Юнгер, сын владельца местной шахты д-ра Юнгера, завербовался во французский Иностранный легион и уже находится на пути из Марселя в Африку. Отец несчастного обратился за помощью в Министерство иностранных дел в Берлине. Немецкое посольство уверено, что свяжется с французским правительством из-за освобождения Юнгера»[7, 90]. Отец ухватился за юридическую тонкость в законе. Во французский Иностранный легион принимали мужчин с 20 лет, лиц, не достигших этого возраста, с обязательного одобрения родителей, хотя в отношении иностранной молодежи командование Легионом закрывало на это глаза. Эрнст Георг добился беседы германского посла Вильгельма барона фон Шоена с Морисом Палеологом по этому вопросу, аргументируя свою позицию малолетством Эрнста и отсутствием согласия родителей. Эти аргументы, обеспокоенность родителей и стремление их вернуть сына домой возымели действие и привели к положительному результату. Отец выслал Эрнсту 100 марок, и в телеграмме от 13 декабря 1913 г. уведомил его: «Французское правительство распорядилось тебя уволить. Сфотографируйся». 23 декабря 1913 г. Э. Юнгер отправился в Лотарингию[7, 91,93].

Вмешательство отца оказалось

определяющим в завершении африканской одиссеи. Спустя годы он по достоинству оценил это, написав, что «дух противоречия заставляет меня доставлять страдания именно тем людям, которые стараются сделать мой жизненный путь более гладким. Не исключено, что такого рода содействия я воспринимал как нарушение тех правил игры, которые только и делают жизнь волнующе-увлекательной: вероятно, непрошенных помощников я относил к *царству проторенных дорог*, из которого хотел убежать»[1, 43].

Сменив форму на синий костюм, Э. Юнгер покинул Иностранный легион и держал путь домой. Подводя итог своему путешествию, он написал: «Я сам загнал себя в тупик, из которого меня вызволило здравомыслие Гупиля и моего Старика. Эксперимент не удался; я только прибавил к длинной череде *сентиментальных путешествий* еще одно. Теперь я должен вернуться, должен буду жить, как все прочие...»[1, 73]. Африканская одиссея Эрнста Юнгера завершилась по-гомеровски, когда в ночлежке Марселя он отдал свои медяки хозяевам, как «меланхолический Харон мог бы взять причитающийся ему обол»[1, 74]. Как подчеркивал Х. Кизель, в этом фиксируется символичность события. «Возвращение в сферу цивилизации кажется как вступление в царство смерти, или только призрачного бытия»[6, 62]. «Сами боги распорядились так, что ради успеха всегда приходится попотеть, а чтобы приобрести жизненный опыт – испытать боль»[1, 60].

Подводя итог пребыванию Э. Юнгера в Иностранном легионе, Х. Кизель отмечал, что «вступление в Иностранный легион было ложным путем, стремлением ускользнуть из удобного, но девитализированного футляра современной цивилизации. Этот взгляд, как всегда у Юнгера, имеет символическое значение»[6, 63]. Подмеченный Фолькером Мергенталером, символическое значение ярко-зеленой ящерицы с красной полосой на спине, которую поймал Бергер в форте Сен-Жан в Марселе, ведь красный и зеленый – это цвета Легиона. «В первом издании <Африканских игр> на это указывает то, что ярко-зеленая ящерица с красной полоской на спине изображена на обложке. Красный и зеленый – это цвета Легиона; они украшают герб полка, куда отправляют Бергера, и появляются на

эполетах униформы»[6, 63]. Его легионерский опыт позволял отцу с чувством гордости и цинизма говорить: «мой сын, африканец»[7, 93].

Э. Юнгер оценивал свое бегство в Иностраный легион как важный жизненный опыт. «Проникновение в сферу беззакония не менее поучительно, чем первое любовное приключение или первый бой; общим для этих ранних форм жизненного опыта является то, что поражение, которое терпит человек, пробуждает в нем новые и более мощные силы. Мы рождаемся чересчур дикими, а исцелить такое лихорадочное брожение в наших

душах можно лишь горьким напитком. Тем не менее еще долго чувствовал я, что ощущение собственной свободы во мне повреждено, и предпочитал не касаться темы побега из дома, будто она была медленно заживающей раной. <Жить, как ему хочется, может каждый>, гласит известное изречение, правильной было бы сказать: жить, как ему хочется, не может никто»[1, 76]. Его африканский опыт уже в 1914г. получил свое новое выражение, когда с началом Первой мировой войны Эрнст Юнгер добровольцем в августе ушел на фронт.

Список литературы

1. Юнгер Э. Африканские игры/Пер. с нем./Иностранная литература. – 2014. - №1.
2. Юнгер Э. На мраморных утесах/ Пер. с нем. – М., 2009.
3. Юнгер Э. Рискующее сердце. Версия первая. Записки днем и ночью// Юнгер Э. Рискующее сердце/ Пер. с нем. – СПб., 2010.
4. Юнгер Э. Семьдесят минуло: дневники 1965-1970. / Пер. с нем. – М., 2011
5. Юнгер Э. Семьдесят лет минуло: дневники 1971-1980. / Пер. с нем. – М., 2015.
6. Kiesel H. Ernst Jünger. Die Biographie. – München, 2007
7. Schwilk H. Ernst Jünger. Ein Jahrhundertleben. Die Biographie. – Stuttgart, 2014.

ERNST JUNGER IN THE FRENCH FOREIGN LEGION.

The article is devoted to the study of the life of a prominent figure in the conservative revolution during the years of the Weimar Republic Ernst Junger. The problem of his service in the French Foreign Legion in 1913 is examined. This aspect is an understanding of the spiritual crisis of the Wilhelm youth on the eve of the First World War and its desire to get out of the Kaiser morality by fleeing to the Foreign Legion. The points of intersection of the biography of E. Junger with his thoughts on participation in the Foreign Legion are emphasized. The article analyzes the ideological position of the German conservative thinker E. Junger.

Keywords: Weimar Republic, Conservative Revolution, E. Junger, French Foreign Legion.

References

1. Yunger E. Afrikanskie igryi/Per. s nem.[African games]/Inostrannaya literatura. – 2014. - #1.
2. Yunger E. Na mramornyih utesah/ Per. s nem.[On the marble cliffs] – М., 2009.
3. Yunger E. Riskuyuschee serdtse. Versiya pervaya. Zapiski dnem i nochyu [Risky heart. The first version. Notes day and night]// Yunger E. Riskuyuschee serdtse/ Per. s nem [Risky heart].– SPb., 2010.
4. Yunger E. Semdesyat minulo: dnevniki 1965-1970. / Per. s nem. [Seventy Passed: Diaries 1965-1970.] – М., 2011.
5. Yunger E. Semdesyat let minulo: dnevniki 1971-1980. / Per. s nem. [Seventy Passed: Diaries 1971-1980.] – М., 2015.
6. Kiesel H. Ernst Jünger. Die Biographie. [Ernst Yunger. The biography]– München, 2007
7. Schwilk H. Ernst Jünger. Ein Jahrhundertleben. Die Biographie. [Ernst Yunger. A life of the century. The biography]– Stuttgart, 2014.

Об авторе

Артамшин Сергей Викторович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, artamoshinsv@mail.ru

Artamoshin Sergey Viktorovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Department of History and International Relations of Bryansk State University named after Acad. I.G. Petrovsky, artamoshinsv@mail.ru